

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

Prix: 50 centimes.

Вторник 4 октября 1881
22 сентября

Отдельные номера продаются по 50 сант. въ книжномъ магазинѣ **H. GEORG, Genève, rue de la Corraterie** и тамъ же принимается подписка, не болѣе какъ на 4 номера, съ доставкою на домъ во все города Европы и Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ; цѣна за 4 номера съ доставкою 2 франка. Телеграммы, письма и корреспонденціи въ редакцію адресуются: *rédaçtion du journal «LA PAROLE LIBRE»* Poste-restante, **Eaux-Vives, Genève.**

СОДЕРЖАНИЕ:

1) Артишокъ вѣнскихъ государственныхъ людей и князь Миланъ Сербскій. — 2) По поводу поклоненія генералу Игнатьеву на Балканскомъ полуостровѣ. — 3) Учрежденіе «личной охраны». — 4) Слухъ о преобразованіи газеты «Русь». — 5) Гарантии благонамѣренности «Голоса». — 6) Смугное пятно о нашей газетѣ лондонскаго «Times»'а. — 7) Историческая Польша и великорусская демократія, VI, *М. Драгоманова*. — 8) Открытое письмо къ редактору «Вольнаго Слова» *праздославнаго* славянина изъ Босніи. — 9) Какъ лгутъ на русскую эмиграцію. — 10) Письма о рабочемъ движеніи, VI: *Винниці препятствія развитію и росту рабочихъ организаций. Усилія реакціи въ Германіи образованъ изъ разныхъ народныхъ элементовъ противостоятъ социальной демократіи. Разныя проявленія популярности послѣдней въ средѣ промышленнаго пролетаріата*. — 11) Сообщеніе международному конгрессу общества литераторовъ, сдѣланное редакторами украинскаго обзорія «Громады». — 12) Открытое письмо *М. П. Драгоманова*, къ редактору «Московскихъ Вѣдомостей». — 13) Извѣстія и заглавія: арестъ председателя и секретаря социалистическаго конгресса въ Барселонѣ; предложеніе «Staatsocialist»'а; большинство федеральнаго суда Швейцаріи и мнѣніе судьи изъ Фрибурга, г. Бруа; № 3 «Чернаго Передѣла»; сообщеніе «Agence Rasse» по поводу конвенціи о выдачѣ политическихъ агитаторовъ; требованіе бернскаго муниципалитета. — 14) Опечатки.

Женева, 4 октября.

Газеты всехъ странъ и народовъ не успѣли еще обсудить все обстоятельства и все послѣдствія свиданія двухъ императоровъ въ Данцигѣ, какъ уже разошлись слухъ о новомъ императорскомъ свиданіи въ Границѣ (станція варшавско-вѣнской желѣзной дороги) или въ Варшавѣ, которое должно показать міру, что между правителями Россіи и Австріи существуетъ столь же полная гармонія, какъ и та, которая была заявлена данцигскою встрѣчею. Съ другой стороны, король Италіи

собирается посѣтить вѣнскій и берлинскій дворы; король Испаніи встрѣчается съ королемъ Португаліи; свадебныя празднества въ Карлсруэ соединили шведскую династію съ двумя германскими; престарѣлый императоръ Вильгельмъ круглый годъ принимаетъ посѣщенія своихъ царственныхъ вассаловъ или самъ объѣзжаетъ ихъ; князь Миланъ Сербскій почти не выѣзжаетъ изъ Австріи...

Никогда кажется главы государствъ не были такъ дѣятельны въ своихъ стараніяхъ о поддержаніи мира и согласія между народами.

Очень вѣроятно, что эти старанія предотвращаютъ въ данную минуту грозящія опасности столкновенія; нельзя сказать, однако, чтобы они успѣвали сглаживать существующія противорѣчія, чтобы имъ удавалось прочно сближать и примирять народы.

Борьба сѣверо-африканскихъ племенъ съ французами затрогиваетъ національные интересы и возбуждаетъ національныя страсти всехъ средиземныхъ народовъ и Англіи; еще сложнѣе и опаснѣе національныя антагонизмы въ Египтѣ; никакія внутреннія заботы не могутъ заставить Францію или Германію забыть, что каждая изъ нихъ въ ближайшемъ сосѣдѣ имѣетъ непримиримаго врага; назвать народы Турціи значило бы перечислить борющіеся между собою элементы; но главнымъ принципомъ и главнымъ двигателемъ народныхъ распрій слѣдуетъ признать Австро-Венгрію.

Внутри ся, десять народовъ живутъ въ постоянной, ежечасной борьбѣ, напрягая все силы для защиты своего національнаго существованія или для расширенія его на счетъ другихъ. Вѣнское правительство безпрестанно вступаетъ въ соглашенія съ

той или другою народностью, дѣлаетъ уступки и отбрасываетъ ихъ назадъ, часто возбуждаетъ одну народность противъ другой и опирается на каждую изъ нихъ попеременно, чтобы всехъ ихъ держать въ повиновеніи. Ту же непробованную на опытѣ политику вносить оно и на балканскій полуостровъ, куда ему, какъ будто нарочно, открыли дорогу возстаніе югославянъ и русскія побѣды.

Балканскій полуостровъ представляется вѣнскимъ государственнымъ людямъ въ видѣ огромнаго артишока, поглощать который можно только листокъ за листкомъ. Графу Андраши удалось сорвать первый листокъ—Боснію-Герцеговину; баронъ Гаймерле схватилъ въ руки другой—Сербію.

Боснія-Герцеговина досталась вѣнскому кабинету по рѣшенію дипломатовъ, собравшихся за зеленымъ столомъ около германскаго капцлера въ Берлинѣ и имѣвшихъ такое же право дарить эту мученическую и героическую страну, какъ если бы имъ вздумалось дарить птицу лѣтящую по небу. Сербіею Австрія фактически овладѣла собственною силою или, лучше сказать, собственною хитростію. Въ этомъ маленькомъ государствѣ, граждане котораго, можетъ быть, полны недостатковъ, но и полны несомнѣннаго, горячаго патриотизма, нашелся человѣкъ, согласившійся, за тридцать серебрянниковъ, предать свое отечество: это былъ глава государства, это былъ самъ князь сербскій!

Онъ продалъ страну чужеземцу, не изъ страха передъ войскомъ, угрожавшимъ его резиденціи, какъ это сдѣлалъ бей тунисскій, и не изъ какого либо увлеченія; онъ сдѣлалъ это изъ разсчета, движимый однимъ побужденіемъ—доставить себѣ большія удобства жизни.

Сербія, дѣйствительно, маленькая и не-

верховная власть въ Россіи на отрѣзъ отъказала ему, какъ двумъ другимъ посланнымъ ею на конгрессъ дипломатамъ, въ поддержкѣ вооруженною силою всей страны, т. е. не рѣшилась бы окончательно раззорить послѣднюю въ неравной борьбѣ съ державами, заинтересованными въ разрѣшеніи восточнаго вопроса не въ томъ смыслѣ, какъ предлагалось с. стефанскимъ договоромъ.

Разсчитать на услуги дипломатовъ — ошибочный разсчетъ, когда хотѣтъ устроить дѣло народнаго освобожденія. Надо разсчитывать на себя самихъ — и ни на кого боже. Ожидать же движенія воды у источника русской чиновничьей администраціи — даже и не ошибка, а слѣдствіе невниманія къ тому, что дѣлается въ Россіи, непростительное незнаніе. Какъ можетъ освобождать рука, налагающая оковы на своихъ близкихъ? Какъ можно надѣяться на искренность освободительной политики человѣка, съ именемъ котораго соединяется *узаконеніе* административнаго произвола на его роднѣ, объявленіе двухъ столицъ имперіи и цѣлаго южнорусскаго населенія стоящими внѣ общихъ для государства законовъ, — того, кто прибѣгаетъ къ насилію надъ свободою слова, какъ къ ultima ratio для доказательства благости управленія народомъ „милостію божіей“!

УЧРЕЖДЕНІЕ „ЛИЧНОЙ ОХРАНЫ“

Мы получили изъ Петербурга слѣдующее сообщеніе объ учрежденіи „личной охраны“, имѣющее особый интересъ въ виду разнорѣчныхъ, ходившихъ объ этомъ за границу, слуховъ:

Въ тотъ день, вѣроятно, когда Вы получите эти строки, въ Правительственномъ Вѣстникѣ появится положеніе о личной охранѣ Е. В. Государя Императора.

Главные пункты его слѣдующіе:

1, Во главѣ Охраны будетъ поставленъ Главнокомандующій Главною квартирою, который назначается посредствомъ высочайшаго указа Правительствующему Сенату.

2, Всѣ вѣдомства и учрежденія должны слѣдовать указаніямъ Начальника Охраны, на сколько они касаются безопасности особы его величества.

3, Начальникъ охраны непосредственно подчиненъ государю императору, и дѣлаетъ с. в. прямые доклады.

4, Власти, получившія извѣстія о заговорахъ противъ государства или особы г. и., обязаны немедленно сообщить оныя начальнику охраны.

5, Начальникъ охраны издастъ подчиненнымъ ему властямъ инструкціи по своему благоусмотрѣнію.

6, Къ начальнику охраны прикомандировываются по его желанію чины военна-

го, морскаго и гражданскаго вѣдомствъ. 7, Кромѣ этихъ прикомандированныхъ чиновъ, начальнику охраны подвѣдомственны слѣдующія части:

а, Отдѣленіе почетнаго конвоя гвардейской пѣхоты.

б, Отдѣленіе дворцовой полиціи.

с, Секретная часть.

д, Жельзнодорожная часть *).

Намъ пишутъ изъ Москвы, что газета „Русь“ въ скоромъ времени станетъ выходить ежедневно; по слухамъ, вмѣстѣ съ этимъ, изданіе ея переносится въ Петербургъ.

Намъ сообщаютъ изъ Петербурга, что А. А. Краевскій продолжалъ неутомимо хлопотать о снѣтѣ съ „Голоса“ постигнувшей его кары; министерство внутреннихъ дѣлъ, по видимому, не противно этому въ принципѣ, но требуетъ отъ редактора-издателя „Голоса“ *гарантій* благонамѣренности его будущаго направленія; г. Краевскій указываетъ, какъ на такую, на произведенное имъ прекращеніе газеты г. Модестова, какъ только выяснилось, что ея направленіе было непротивно министерству.

Лондонскій „Times“ отъ 30 сентября печатаетъ телеграмму изъ Женевы, воспроизводящую вкратцѣ разсказъ, помѣщенный въ послѣднемъ номерѣ „Общаго Дѣла“, о созданной русскимъ правительствомъ, тайной организаціи для борьбы съ партіею русскихъ террористовъ. Женевскій корреспондентъ англійской газеты ссылается, какъ на источникъ своихъ свѣдѣній, на недавно „основанный въ Женевѣ русскій органъ, избравшій себѣ задачей введеніе въ Россію конституціонныхъ учрежденій“, объ открытіи дѣятельности котораго онъ (корреспондентъ) уже телеграфировалъ „Times“ у.

Хотя мы и не заключаемъ нашей дѣятельности въ указанную корреспондентомъ рамку, а взывали къ самостоятельности вообще и къ дружной организаціи всѣхъ народныхъ силъ, но намъ понятно, что англичанамъ могъ именно такъ характеризовать наши стремленія, въ отличіе отъ изданій подобныхъ „Общему Дѣлу“, и что, въ глазахъ англійской публики, сообщаемое имъ извѣстіе получило значеніе отъ появленія его въ „конституціонномъ“ органѣ. Мы должны, поэтому, указать на сдѣланную имъ ошибку, тѣмъ болѣе очевидную, что уже въ прошломъ № „Вольнаго Слова“, мы заподозрили въ достовѣрности свѣдѣнія „Общаго Дѣла“, а въ настоящемъ № печатаемъ подробное содержаніе правительственной мѣры, которая, вѣроятно, и послужила поводомъ къ послѣднимъ слухамъ, такъ легкомысленно пущеннымъ редакціею „Общаго Дѣла“.

*) Вѣроятно, охрана рельсоваго пути на случай движенія императорскихъ поѣздовъ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛЬША

и

ВЕЛИКОРУССКАЯ ДЕМОКРАТІЯ.

VI.

Но Герценъ по видимому не замѣчалъ ни этой софистики, ни уклоненій варшавскаго „народнаго правительства“ даже отъ тѣхъ уступокъ, какія сдѣлали делегаты послѣдняго въ деклараціи, напечатанной въ „Колоколѣ“. Въ статьяхъ своихъ, напечатанныхъ вслѣдъ за этою деклараціею („Центральному польскому комитету въ Варшавѣ“, — „Къ русскимъ офицерамъ въ Польшѣ“ и пр.) Герценъ вполне становится на польскую субъективную точку зрѣнія: „Что *Польша желаетъ* остаться въ федеральномъ (?) союзѣ со всѣми народами, входившими въ цѣлость Рѣчи Посполитой, — говорить онъ, — это совершенно естественно, какъ и то, что *она* не можетъ признать насильственнаго раздѣленія, не отрекается отъ самостоятельности своей, тоже ясно. Если бы было иначе, — то Варшава, какъ и Петербургъ, призналъ бы Галицію — Австріей, Познань — Пруссіей“. Въ словахъ этихъ, кромѣ общаго нехода съ точки зрѣнія только Польши да Варшавы, — видно еще и незнаніе того, что напр. Галиція прежде всего соеѣмъ не Польша, — какъ напр. Познань. Галиція — прежде всего „Галицкая Русь“ и даже во время существованія польскаго государства называлась воеводствомъ „русскимъ“. Какъ „Червоная или Малая Русь“ она была присоединена къ послѣдственнымъ владѣніямъ венгерско-австрійской короны, и только послѣ того соединена была административно съ чисто польскими землями воеводства краковскаго, — отъ котораго впрочемъ нѣкоторое время была и вновь отдѣлена. И если теперь обыкновенно всѣ земли, доставшіяся Австріи отъ польскаго государства называютъ Галиціей (официальный ихъ титулъ: Королевство Галицкое и Владимірское съ Великимъ княжествомъ Краковскимъ), то все таки восточная ихъ часть, Галиція собственно, такая же Польша, какъ и Кіевская губернія.

Эту же Кіевскую губернію Герценъ все же не былъ расположенъ такъ легко уступать Польшѣ, какъ легко думали заирать ее польскіе делегаты. Вообще Герценъ, даже и принявши въ общей основѣ программу варшавскихъ делегатовъ, — все же не могъ совершенно отказаться отъ своихъ прежнихъ взглядовъ, но черезъ это только запутывался въ непримиримыя противорѣчія. Онъ напр. возвращается къ прежнимъ своимъ федеральнымъ идеямъ. „Съ своей стороны, пишетъ онъ, — поляки должны понять, что сохранить тотъ же федеративный союзъ (съ „западными губерціями“) будетъ стремленіемъ не только правительства русскаго, но и всего русскаго народа. Какой же русскій не считаетъ, — и при томъ совершенно справедливо, — *Кіевъ* такимъ же русскимъ городомъ, какъ и *Москву*“. Выходило бы такимъ образомъ, что Кіевъ, — федеративную связь съ которымъ желаютъ сохранить и поляки, и русскіе, долженъ бы соединить

между собою федеративною связью и Варшаву съ Москвою. Но „варшавское правительство“ и думать не хотѣло о такой связи, а просто хотѣло отдѣлится отъ Москвы и Варшаву, и Киевъ, который, по господствовавшему тогда (да и теперь) понятіямъ въ польской литературѣ, только случайно отпалъ отъ Польши, благодаря трудному положенію послѣдней при королѣ Янѣ III (L. Chodzko. La Pologne historique, etc. ст. 9).

Политъ-профессоръ даже вовсе ничего не говоритъ европейской публикѣ о Б. Хмельницкомъ. Самъ же Герценъ рассказываетъ, что польскіе дѣятели 1861—64 гг. страхъ боялись всякихъ уступокъ со стороны русскаго правительства, которыя могли бы остановить возстаніе и, какъ думалось, отдѣленіе отъ Москвы всей Польши 1772 г. (Сборн. Посм. сочиненій, 211—212). Какимъ образомъ „русскій, подавшій руку полякамъ“ на поддержку ихъ возстанія, имѣвшаго цѣлью отдѣленіе Кіева къ Варшавѣ могъ въ тоже время защищать федеральную связь Кіева съ Москвою, — совершенно непостижимо.

Но Герценъ простираетъ свои колебанія далѣе: написавши свое присоединеніе къ деклараціи варшавскихъ делегатовъ, онъ считаетъ однакожъ пужливымъ напомнить имъ о томъ, о чемъ повела польская литература избѣгала говорить, — о старой войнѣ Украины съ польскимъ государствомъ, о Б. Хмельницкомъ, и предостерегаетъ поляковъ, чтобъ Хмельничина послужила имъ урокомъ. Оказывается, что для Герцена „союзъ Украины съ Польшею“ является все таки не такимъ рѣшеннымъ дѣломъ, какъ для варшавцевъ. Издатель Колокола говоритъ: „При теперешнемъ положеніи дѣлъ, узнать, чего желаетъ Литва, Бѣлоруссія, Малороссія, очень трудно. Гнетъ русскаго правительства не даетъ имъ возможности высказаться..... Изъ этого ясно видно, что самый вопросъ надобно оставить, не предпринимая его безъ тѣхъ, кто единственно имѣетъ право его рѣшить. Скажемъ вмѣстѣ съ поляками (!) — *быть Литвѣ, Бѣлоруссіи и Украинѣ, съ кѣмъ они захотятъ, или ни съ кѣмъ, лишь бы волю ихъ узнать не поддѣльную, а действительно*“. Впрочемъ тутъ же Герценъ гадаетъ, — что „народъ, села, массы, если не противъ Польши, то, вѣроятно и не за нее“, — и сейчасъ же допускаетъ: „тутъ мѣсто самому широкому, законному вліянію польской цивилизаціи“, — и выражалъ вѣру въ польскую „пропаганду искупленія и отреченія отъ старыхъ злоупотребленій, отъ своихъ правъ на поземельную собственность“ и т. п.

Но дѣло въ томъ, что по крайней мѣрѣ относительно Украины трудно было сомнѣваться въ томъ, что она не хочетъ присоединяться къ Польшѣ. Герценъ, видимо, не зналъ, что въ Галиціи, — т. е. въ „гнета русскаго правительства“ украинская журналистика и старой партіи („Слово“), и молодой („Вечерницы“) уже въ 1862 г. высказалась противъ возстановленія Польши въ границахъ 1772 г. И въ самой Россіи, не смотря на цензуру, польская сторона успѣла довольно вразумительно поставить вопросъ о принадлежности западныхъ гу-

берній Польшѣ (въ „Słowo“ г. Огрызко, „Kurier Wileński“ г. Киркора, Biblioteka Warszawska и даже въ Аксаковскомъ „Днѣ“, въ статьѣ М. Грабовскаго), — на что украинская сторона отвѣчала въ „Основѣ“ статьями гг. Костомарова, Кулиша и молодыхъ „хлопомановъ“ Антоновича и Рыльского, которые сами вышли изъ рядовъ польской демократіи, но разошлись съ нею именно передъ началомъ повстанскаго движенія за возстановленіе исторической Польши. Всѣ украинскія статьи на разные лады развивали казакскую тему: „маєте собі свою Польщу, а намъ наша Україна оставаться“. Что же касается до самыхъ „хлоповъ“ украинскихъ, о которыхъ Герценъ предполагалъ, что они „не противъ Польши“, то они напр. въ своихъ пѣсняхъ самымъ недвусмысленнымъ образомъ высказались именно „противъ Польши“.*) Въ 1862-63 гг. „хлопы“, будучи возбуждены вопросомъ эмансипаціи и способомъ, какъ исполняли даже Положеніе 19 февраля 1861 г. помѣщики, — единственные представители Польши, которыхъ знали крестьяне, — явно готовились воспользоваться польскимъ (въ Украинѣ неизбежно панскимъ) возстаніемъ, чтобъ начать жаккерію, — о чемъ кричала польская печать въ Россіи и за границей, въ своей полемикѣ съ украинскими „хлопоманами“ на всѣхъ языкахъ отъ польскаго, до русскаго и французскаго**).

И при такихъ условіяхъ Герценъ совѣтовалъ „не предпрѣшать вопроса“ даже объ Украинѣ, совѣтовалъ прежде всего „узнать ся неподдѣльную волю“ и даже возлагалъ надежду на „пропаганду искупленія и отреченія (польскихъ пановъ) отъ старыхъ злоупотребленій и своихъ правъ на поземельную собственность“. Но „не предпрѣшать вопроса“ значило бы въ данномъ случаѣ — „не поднимать возстанія“, по крайней мѣрѣ на Украинѣ, — а между тѣмъ польскіе революціонеры, даже тѣ, кто искренно желалъ только узнать „неподдѣльную волю“ непольскихъ народовъ бывшей Польши по политическому вопросу, — хотѣли прежде всего возстанія этихъ народовъ противъ Россіи подъ знаменемъ, которое во всякомъ случаѣ было непопулярно по крайней мѣрѣ на Украинѣ. Что же касается до „закононаго вліянія польской цивилизаціи, пропаганды искупленія и отреченія и пр.“, — то допустить даже, что ею въ состояніи были проникнуты польскіе помѣщики, которые на дѣлѣ отнимали у крестьянъ даже ту землю, кака была за ними записана по инвентарнымъ правиламъ 1847 г., — на все это нужно было время, — а варшавскій комитетъ уже объявилъ прямую войну русскому правительству***).

*) Отсылаемъ читателя къ оканчиваемой теперь печатаемъ книгѣ нашей: «Нова українські пісні про громадські справи. 1764—1880».

**) Выдержки см. въ нашихъ статьяхъ въ „Вѣстникѣ Европы“, „Восточная политика Германіи и обрусеніе“ 1872 г., II—V и „Европа и поляки въ Югозападномъ краѣ“ 1875, VIII.

***). Напр. въ Кіевской губ. по инвентарямъ 1847 г. крестьянамъ должно было отойти 1.231,472 десyatинъ, а по уставнымъ грамотамъ, составленнымъ польскими помѣщиками и посредниками до 1863 г. отходило только 1.061,969 д. Тоже было и въ другихъ зап. губерніяхъ (Чубинскаго. Труды экспе-

Фразу Герцена о настрояніи массъ народа въ западныхъ губерніяхъ относительно Польши скорѣе можно было, перевернувши, приложить къ отношеніямъ ихъ къ Россіи: „не за Россію, но и не противъ нее“. Придавленный крѣпостнымъ правомъ народъ даже на Украинѣ сталъ представлять себѣ темпо чисто политическіе вопросы. Сейчасъ послѣ присоединенія къ Россіи народъ не взлобылъ ее главнымъ образомъ черезъ подушное и рекрутчину, — но Польшу ненавидѣть все таки не пересталъ, такъ какъ она ему представлялась въ образѣ ежедневно допекающей панщины. Народная пѣсня того времени, — не забытая и до сихъ поръ, — сравнивала оба государства съ мрачными тучами: „Наступила чорна хмара, настала ще і синья: Була Польшча, була Польшча, та і стала Россія!.....

Съ теченіемъ времени память о меньшихъ государственныхъ тяготахъ до присоединенія къ Россіи слабѣла, а панщина между тѣмъ усиливалась, — такъ что народъ на правомъ берегу Днѣпра несомнѣнно былъ гораздо болѣе враждебенъ противъ Польши передъ 1863 г., чѣмъ былъ онъ передъ 1830—31 г., — и потому въ виду польскаго возстанія долженъ былъ стать *de facto* за Россію. Единственное возстаніе, въ которомъ народъ могъ бы принять участіе, это было бы прямое возстаніе противъ пановъ. Но на такое возстаніе не рѣшались самые красные изъ польскихъ демократовъ, которые все таки звали крестьянъ прежде всего бить „москалей“*).

днѣи, VII, 515). Къ сожалѣнію мы не имѣемъ мѣста, чтобъ остановиться на аграрной политикѣ польскихъ помѣщиковъ передъ возстаніемъ 1863 г., а она то и имѣла рѣшающее вліяніе на поведеніе крестьянъ во время возстанія. Кромѣ того, объ этой политикѣ слѣдовало бы сказать въ виду того, что польскіе писатели, даже демократы, какъ г. Гиллертъ (членъ варшавскаго центрального комитета) наклонны представлять польскихъ помѣщиковъ слишкомъ большими друзьями крестьянъ, опираясь на то, что первый рескриптъ о приступѣ къ эмансипаціи крестьянъ данъ былъ въслѣдствіе переговоровъ вилнскаго генералъ-губернатора съ мѣстными панамъ въ 1857 г. Между тѣмъ уже изъ изданныхъ въ 1860 г. «Матеріаловъ для ист. управленія крѣпости. сост. и пр.», можно видѣть, что вилнскіе помѣщики вовсе и не просили царя объ эмансипаціи крестьянъ, а только согласились занять вопросомъ крестьянскимъ и послать для изученія его экспедицію въ Германію, (ор. cit. 137—138). Но тѣмъ же матерьяламъ, а также по тому, что напечатано въ трудѣ г. Скребицкаго, въ Зап. сенатора Соловьева и др., видно, что и послѣ стремленія почти всѣхъ помѣщиковъ западныхъ губерній не шли далѣе «остзейскаго» освобожденія, т. е. безъ земли и съ сохраненіемъ вотчинной полиціи. Во всѣхъ адресахъ, поданныхъ въ 1862—63 гг. помѣщиками о присоединеніи западныхъ губерній къ Ц. Польскому высказывались жалобы на небезопасное настроеніе крестьянъ. И отъ такихъ людей ждали «отреченія отъ правъ собственности»!

*) И въ самомъ Царствѣ Польскомъ происходили въ 1861—63 г. волненія крестьянъ противъ помѣщиковъ и тамъ постоянно высказывался (даже въ кругахъ революціонеровъ) страхъ „жаккеріи“. И тамъ крестьяне могли бы быть подняты только прежде всего противъ помѣщиковъ. Между тѣмъ революціонеры, — даже и не такіе бѣлые, какъ Лангевичъ, — взяли на себя роль совершенно невыполнимую для революціонеровъ, — а именно, кромѣ роли войска противъ „москалей“, еще и роль посредниковъ между панамъ и крестьянами! Послѣднюю роль можетъ исполнить только установленное, сильное войскомъ и администраціей, правительство.

Что касается до болѣе образованныхъ украинцевъ, то ихъ настроеніе, — довольно ясно высказанное и въ печати 1861—1863 гг., не смотря на цензуру, было довольно близко къ настроенію ихъ крестьянства. Будучи липо „противъ Польши“, они тоже не были „за Россію“ — но не были и противъ нея, — особенно не были еще готовы дѣйствовать противъ нее. Начать съ того, что сознательныхъ украинцевъ было еще очень мало, и они были очень слабы, — такъ какъ имъ нужно было (да нужно и теперь) пароджаться посредствомъ труднаго нравственнаго процесса изъ польскаго и русскаго привилегированнаго общества на правомъ и лѣвомъ берегу Днѣпра и за тѣмъ искать себѣ опоры въ массахъ народа. Для послѣднего нужно было много предварительной работы. Въ политическомъ отношеніи не только слабость украинской партіи, но и самыя историческія условія украинскаго племеніи вообще производили то, что украинскіе автономисты склонялись не столько къ сепаратистическому идеалу по отношенію къ Россіи, сколько къ федеральному. Не отдѣленіе отъ Россіи, — а тѣмъ болѣе къ Польшѣ, — а преобразование ея, возможное только при дружномъ участіи всѣхъ ея народовъ, начинал отъ великоруссовъ, занимали въ 60-е годы украинскіхъ автономистовъ, какъ можно видѣть и на цитированной въ предыдущей главѣ статьѣ въ „Колоколѣ“. Подобные украинскіе, хотя еще болѣе ихъ слабыя кружки, стали образовываться, и среди литвиновъ и даже бѣлоруссовъ. Развитие всѣхъ этихъ кружковъ, сближеніе ихъ съ массами народа и соединеніе ихъ для общаго дѣйствія съ великорусскими съ цѣлью федеральнаго преобразования Россіи требовало времени. Сепаратистическое же движеніе поляковъ даже и въ одномъ Царствѣ Польскомъ могло задержать развитіе либеральнаго и федеральнаго движенія въ Россіи, возбуждивъ монархическій и центральностическій духъ въ великороссійскомъ населеніи. Перенесенное же на Литву, Бѣлоруссію и на Украину, — да еще въ моментъ, когда крестьяне только что получили какую нѣсть свободу отъ русскаго царя, это польское движеніе должно было парализировать всякое оппозиціонное движеніе на Западѣ, какъ и на Востокѣ Россіи, — что и случилось въ дѣйствительности и что не такъ то уже трудно было предвидѣть и въ 1862—1863 г.

Послѣ напечатанія „Посмертныхъ сочиненій“ Герцена оказалось, что и онъ, и друзья его очень близки были къ этому предвидѣнію. Тамъ между прочимъ напечатаны письма Огарева и Бакунина къ тѣмъ русскимъ ихъ единомышленникамъ, которые готовились принять активное участіе въ польскомъ возстаніи. Огаревъ прямо писалъ: „При теперешнемъ преждевременномъ возстаніи, Польша, очевидно погибнетъ, а русское дѣло на долго потонетъ въ чувствѣ народной ненависти, идущей въ связи съ преданностью царю, и воскреснетъ только послѣ, долго послѣ, когда вашъ подвигъ перейдетъ въ такое же преданье, какъ 14 Декабря и изволнуетъ умы поколѣній,

теперь еще не зачатого. Выводъ ясенъ: отклоните возстаніе до лучшаго времени соединенія силъ“..... Бакунинъ писалъ: „Нельзя не сознаться, что общему мѣрному ходу славянскаго и въ особенности русскаго поступательнаго движенія преждевременное и частное возстаніе Польши грозитъ перерывомъ“. (См. соч. 219—221). И Огаревъ, и Бакунинъ, очевидно, думали главнымъ образомъ о Великобританіи, когда писали эти строки, — а потому несомнѣнно, что если бы они ясно представляли себѣ полную безпачужность польскаго возстанія въ „западныхъ губерніяхъ“ и болѣе критически отнеслись къ самой программѣ польскихъ политиковъ относительно этихъ земель, — то ихъ совѣты русскимъ друзьямъ были бы болѣе настойчивы въ отрицательномъ отношеніи *).

Оказывается, что болѣе наблюдательный и скептической Герценъ вовсе не такъ былъ увлеченъ деклараціями варшавскихъ делегатовъ, какъ можно было думать, судя по тогдашнимъ статьямъ „Колокола“. Въ статьѣ М. Б. (Михаилъ Бакунинъ) и польское дѣло Герценъ рассказываетъ о своихъ разговорахъ съ Бакунинымъ и съ польскими делегатами въ 1862 г. по вопросу объ участіи русскихъ въ тогдашней польской революціи. Прочитавъ привезенную изъ Варшавы декларацію, Герценъ предположилъ „посильнѣе отгнѣнить и яснѣе высказать мысль о самостоятельности провинцій“; наставлялъ онъ и на необходимости больше отгнѣнить мысль: „нѣтъ освобожденія безъ земли“. Поляки уступали, но не безъ споровъ. „Этотъ споръ изъ за словъ, говоритъ Герценъ, показывалъ, что сочувствіе наше къ однимъ и тѣмъ же вопросамъ не было одинаково... Б. былъ не доволенъ мною, находилъ, что я слишкомъ холоденъ, какъ будто не доверяю.“

— Чего ты больше хочешь? Поляки никогда не дѣлали такихъ уступокъ. Они выражаются другими словами, принятыми у нихъ, какъ катехизисъ; не лъзя же имъ, поднявши національное знамя, на первомъ шагѣ оскорбить раздражительное народное чувство“. (Что? — Польша!!!)

— „Мнѣ все кажется, что имъ до крестьянской земли въ сущности мало дѣла, а до провинцій много“.

— Любезный другъ, у тебя въ рукахъ будетъ документъ, поправленный тобой, подписанный при всѣхъ насъ; чего же тебѣ еще?

— „Есть такъ кое что!...“

— „Ты точно дипломатъ на Вѣнскомъ конгрессѣ, повторялъ мнѣ съ досадой Б., когда мы потомъ толковали у него съ

*) Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что поляки поспѣшили съ возстаніемъ въ надеждѣ на помощь иностранныхъ правительствъ, особенно Наполеона III. Также несомнѣнно, что поднятіе возстанія въ Кіевской, Могилевской и даже Курляндской губерніяхъ имѣло значеніе прежде всего демонстраціи старыхъ границъ Польши, а также стратегической диверсіи, въ результатѣ которыхъ должно быть по крайней мѣрѣ отдѣленіе, — при помощи западной дипломатіи, — Царства Польскаго, — т. е. возстановленіе „Польши, если не какъ великой, то хоть какъ малой державы“, какъ выразился намъ одинъ молодой польскій революціонеръ въ Кіевѣ въ первый день польскаго возстанія.

представителями жонда: придираешься къ словамъ и выраженіямъ. Это не журнальная статья, не литература“.

— „Съ моей стороны, замѣтилъ Г. (одинъ изъ делегатовъ) я изъ за словъ спорить не стану; мѣняйте, какъ хотите, лишь бы смыслъ остался тотъ же“.

— „Браво, Г., радостно воскликнулъ Б.

„Ну, этотъ, — подумалъ я, — *привѣтъ подкованный и по лѣтнему, и на шипы*; онъ ничего не уступитъ на дѣлѣ и оттого такъ легко уступаетъ все на словахъ!“ — (Посм. Соч., 213—215).

— „Смертельно жаль Потембю и его товарищей (русскихъ офицеровъ въ Ц. Польскомъ, приставшихъ къ революціи), — говорилъ Герценъ Бакунину, — и тѣмъ больше, что врядъ ли имъ по дорогѣ съ поляками“.

О Потембѣ мы скажемъ далѣе, — а тутъ замѣтимъ, что ожиданіе Герцена сбылось: помощи польскому возстанію онъ не принесъ, — а свое дѣло погубилъ. Рассказывая о томъ, какъ это случилось, какъ онъ, споря съ Бакунинымъ, все же „не хотя дѣлалъ не то, что хотѣлъ“, Герценъ говоритъ: „Здѣсь я остановлюсь на грустномъ вопросѣ. Какимъ образомъ, откуда взялась во мнѣ эта уступчивость съ ропотомъ, эта слабость съ мятежемъ и протестомъ? Съ одной стороны достовѣрность, что поступать надо такъ; съ другой готовность поступить иначе. Эта шаткость, эта поспѣшность, dieses Zögern, надѣлали въ моей жизни бездну вреда и не оставили даже слабой утѣхи въ сознаніи ошибки невольной, несознанной; я дѣлалъ промахи à côté сѣн; вся отрицательная сторона дѣла была у меня передъ глазами... Сколькими несчастіями было бы меньше въ моей жизни, сколькими ударами, если бъ я имѣлъ во всѣхъ важныхъ случаяхъ силу слушаться самаго себя...“

Изъ разсказа Герцена скорѣе всего можно вывести заключеніе, что, присоединившись къ польскому движенію 1862—1863 гг., онъ поддавался влиянію настойчивости и возбужденности Бакунина. Вліяніе это, несомнѣнно, было, — но оно одно не объясняетъ всего дѣла.

М. Драгомановъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ.

(Переводъ съ сербскаго).

Сараево, 4 (16) сентября.

Милостивый Государь!

Прочитавши въ 5 № Вашей газеты письмо изъ Пловдива и увидя, что братъ болгаринъ, родина котораго была русскою кровью и русскими средствами освобождена отъ турокъ, жалуется и негодуетъ, — мнѣ захотѣлось написать Вамъ изъ все еще порабощенной Босніи и изложить положеніе дѣлъ у насъ, такъ какъ оно есть; если бы оно хотъ мало мальски походило на положеніе Болгаріи, то всякій изъ насъ былъ